

СРЕДИ БОГОМОЛЬЦЕВЪ.

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ
ПО ВОСТОКУ.

Blagoveshenskii, N. A.
Н. А. БЛАГОВѢЩЕНСКАГО.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

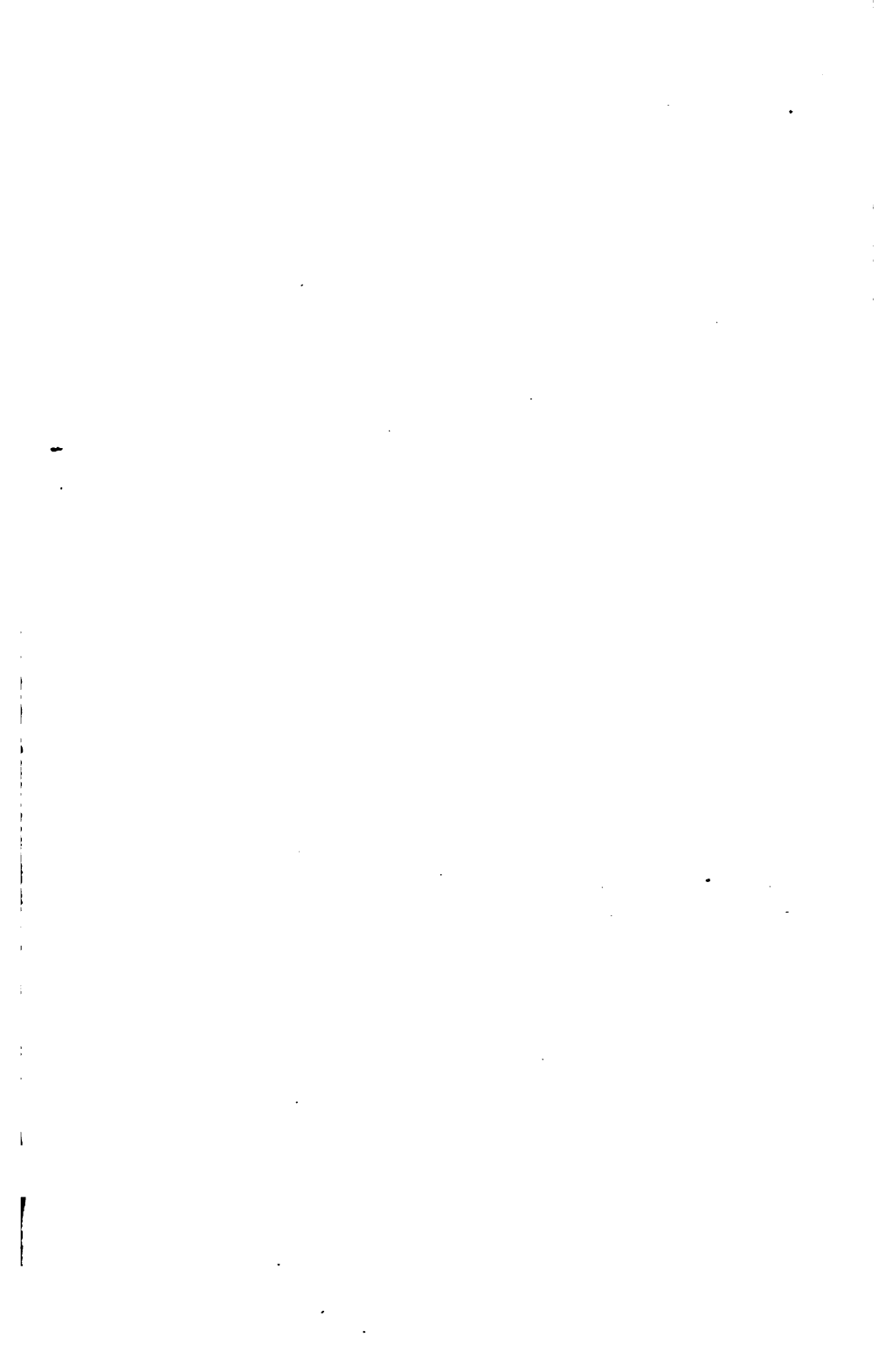
Содержаніе:

Афонъ.—Путь отъ Константинополя
до Яффы.—Іерусалимъ.—Путь отъ
Солуны до Вело.—Фессалия.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА К. Н. ПЛОТНИКОВА.

1872.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Есть на бѣломъ свѣтѣ дивный уголокъ земли, на которомъ, съ давнихъ поръ, упрочилось мертвое для міра царство монашеское, царство оригинальное, самобытное... Имя ему Аeonъ.

Не великъ этотъ уголокъ: всего какихъ-нибудь полтора ста верстъ въ окружности: зато на этомъ крошечномъ пространствѣ раскинуто болѣе двухъ тысячъ церквей и при нихъ до семи тысячъ отшельниковъ, слѣдовательно болѣе, чѣмъ во всей Россіи. Зато на этотъ уголокъ, съ благоговѣніемъ и любовью, смотрятъ весь востокъ православный; а греки даже гордятся имъ и воспѣваютъ его въ своихъ пѣсняхъ.

Но мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній объ Аeonѣ. Съ жизнью aeонскихъ отшельниковъ впервые познакомили насъ Святогорецъ Сергій, и его поэтическія письма съ любопытствомъ прочла читающая Русь. Въ этихъ письмахъ, сквозь мистическую оболочку, порой проглядываетъ правда, только эта правда такъ замаскирована, что ее не узнаетъ читатель, незнакомый съ тайнами aeонскихъ обителей. Святогорецъ, какъ членъ этого царства, не могъ и не смѣлъ писать безпристрастно. Онъ до того пересолитъ свою книгу разными мудреными чудесами, что даже наша духовная цен-

зура сочла нужнымъ сдѣлать ему маленькое внушеніе, вслѣдствіе чего, при второмъ изданіи, книга явилась уже въ сокращенномъ видѣ и съ меньшимъ количествомъ чудесъ. Бромъ Святогорца писали еще объ Аeonъ: инокъ Парфеній, Мелетій, гг. Муравьевъ, Давыдовъ и Каменскій. Г. Давыдовъ сперва хотѣлъ было обругать aeонскихъ монаховъ и называлъ ихъ „сумасшедшими,“ но потомъ раскаялся, о чемъ трогательно рассказываетъ Святогорецъ *). Остальныя книги сплошь-да-рядомъ пропитаны тѣмъ казеннымъ умиленіемъ, съ какимъ принято писать наши путешествія по святымъ мѣстамъ, и новыхъ свѣдѣній объ Аeonъ онѣ не дали.

Слышать объ Аeonъ кое-что и простолюдинъ нашъ, но здѣсь уже трубятъ о немъ живое слово. Это тѣ пресловутые странники aeонскіе и сборщики добродѣтельныхъ подаяній, которые разгуливаютъ по всѣмъ закоулкамъ нашего православнаго міра съ разными душеспасительными вещичками, и нерѣдко, подъ видомъ религіознаго авторитета, морочатъ простыхъ и довѣрчивыхъ людей. Говорятъ они многое: о подвигахъ братіи aeонской, и „жребіи царицы небесной“, объ искушеніяхъ демонскихъ, и, пересыпая все это длинными повѣстями чудеснаго свойства, горько жалуются на нищету и убожество aeонскихъ обитателей. Слушаетъ мужикъ эти рѣчи; глядитъ онъ тупо на лубочныя картины Aeона, въ видѣ сахарной головы съ крестами, и смутно вѣрится ему, что на Aeонѣ взаправду } есть что то необыкновенное, непохожее на нашу жизнь. {Да } и не одни

*) Письма Святог. 3-е изд. часть 1, стр. 199 и далѣе. Тоже стр. 28⁸ въ выноскѣ.

мужики слушаютъ этихъ выходцевъ аеонскихъ. имъ вѣрять иногда и такъ называемые образованные люди. Есть у насъ барыни особаго закала, постоянно окруженныя ханжами и юродивыми, одѣтыя въ черныя платья, съ четками на рукахъ, повидимому кроткія и смиренныя, хотя къ нимъ вполне примѣняется пословица: въ тихомъ омутѣ много чертей водится. Эти барыни особенно любятъ странниковъ и выходцевъ аеонскихъ и съ особеннымъ благоговѣніемъ слушаютъ ихъ медоточивые рассказы;—и, боже мой, чего только не наговорятъ они этимъ барынямъ! А тѣ въ восторгѣ выдавливаютъ изъ себя остатки умиленія и щедро осыпаютъ мнимыхъ подвижниковъ безъ труда добытыми деньгами...

Всѣ эти слухи и толки сводятся къ тому только, что Аеонъ—тихое пристанище иноковъ, мѣсто успокоенія грѣшниковъ, гдѣ обитаютъ не люди, а ангелы, и притомъ несчастные ангелы, угнетенные земнымъ правительствомъ, и безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Этимъ кончаются наши свѣдѣнія о св. горѣ.

А между тѣмъ на Аеонѣ, кромѣ чудесъ и нищенства, интереснаго очень много. Не говоря о томъ, что Аеонъ представляетъ собою правильно организованное государство, имѣющее свои законы, свою промышленность, свой флотъ, судъ и расправу, оригинальное уже потому, что оно около пятисотъ лѣтъ существуетъ безъ женщинъ,—тамъ встрѣчаются характеры интересные для психолога, начиная съ фактовъ глубокаго, почти идеальнаго аскетизма, и кончая фактами грубаго лицемерія и даже звѣрства, прикрываемаго именемъ религіи...

Мнѣ пришлось прожить на горѣ Аеонской 17 мѣсяцевъ

(1858—1859 г.) и объѣхать большую часть тамошнихъ монастырей, скитовъ и келій. Въ теченіе этихъ долгихъ мѣсяцевъ, единственными собесѣдниками моими были отшельники аеонскіе. Въ часы, свободные отъ занятій, я по неволѣ вглядывался въ ихъ жизнь и нравы, и узналъ многое, чего не могли замѣтить другіе туристы при бѣгломъ обзорѣ Аеона. Я тогда же записалъ многое, и эти записки послужили матеріаломъ для настоящей статьи.

Я не буду здѣсь касаться ни исторіи, ни палеографіи Аеона. Мнѣ хотѣлось только представить на судъ читателей рядъ своихъ путевыхъ воспоминаній, и въ нихъ, по мѣрѣ возможности, изобразить бытъ современнаго намъ аеонскаго монашества, съ его религіей, суевѣріемъ, искусствами, промыслами и даже чудесами.

I.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ АЕОНА *).

Переходъ изъ міра въ царство монашеское.—Монастырь Есфигменъ и его устройство.—Мѣстные нравы и обычаи.—Бесѣда съ русскимъ отшельникомъ.—Всенощное бдѣніе.—Нѣсколько словъ о греческомъ пѣніи.

Въ окрестностяхъ Аеона, на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ, разсыпаны дачи и подворья монастырскія, и между народомъ, въ городахъ и селахъ, шныряютъ обитатели аеонскаго царства, какъ муравьи около своей кучи. Но тамъ еще *міръ*, тамъ кипитъ дѣятельность человѣчeskя, слышится веселый говоръ, задушевный смѣхъ и пѣсни народныя. Тамъ самое монашество не сохраняетъ строгаго стиля аеонскаго и носитъ замѣтный мірской отпечатокъ. Чѣмъ ближе къ Аеону, тѣмъ замѣтнѣе его вліяніе на дѣла мірскія: чаще встрѣчаются монахи, сильнѣе развито суевѣріе въ простомъ народѣ. Послѣдняя грань, гдѣ еще легко дышитъ семейное чело-вѣчество (на пути отъ Солуня), это небольшой городокъ Ериссо, въ 25 верстахъ отъ ближайшаго къ міру аеонскаго монастыря Есфигмена.

Помню я тотъ грустный вечеръ, когда мы покинули Ериссо и впервые увидѣли пустыни аеонскія. Была суббота, полевые работы кончились; поселяне и поселянки бродили по городу веселыми группами. Чуялся праздникъ

*) Я вѣхалъ на Аеонъ сухимъ путемъ, черезъ Солунь. Тогда еще не было туда прямыхъ пароходныхъ рейсовъ.

гадали дѣвушки о завтрашнемъ днѣ, переглядываясь съ молодыми паликарами; гдѣ-то играли на свирѣли.... А намъ, въ это время, два монаха съ подворья навьючивали муловъ, снаряжали въ путь-дорогу на гору Аеонскую. Къ вечеру мы тронулись, сопровождаемые толпою любопытныхъ, при лаѣ собакъ со всего околodka. Поселяне просили насъ молиться покрѣиче и привозить имъ благодати. Мы общались.

И вотъ ѣдемъ по берегу моря. Море плещется весело, птицы рѣютъ въ воздухѣ, а что-то невесело на сердцѣ. Прежде, когда Аеонъ былъ еще далеко отъ насъ, меня влекло къ нему любопытство, а теперь и любопытство куда-то подѣвалось: жалко стало покидать міръ божій...

Плещется море. Но жизнь уже замираетъ: типе становится въ воздухѣ, мѣстность безлюднѣе. Начинается крутой подъемъ на первые отроги аеонскаго хребта. Здѣсь стоитъ таможенная будка. Изъ этой будки высунулся сонный сборщикъ и лѣниво обругалъ нашего проводника. Тотъ бросилъ ему нѣсколько мелкихъ монетъ и двери таможни захлопнулись. Ёдемъ дальше, выше, дорога такъ крута, что мулы наши едва поднимаются. Моря уже неслышно; кругомъ ни души... И вотъ стоитъ большой деревянный крестъ, исписанный начальными буквами крестной молитвы. Это граница Аеона и міра, сюда уже не переступаютъ веселье и радости жизни земной.

Ёдемъ дальше. Жизнь замерла. Кругомъ ни звука, ни движенія. Деревья стоятъ неподвижно, точно на картинѣ. Здѣсь уже не міръ, а царство отшельниковъ; а сердце такъ и ноетъ, голова кружится, хочется вѣрить во что-то таинственное.

— Скоро и монастырь увидимъ,—проговорилъ громко проводникъ нашъ; я вадрогнулъ: такъ страшно было слышать человѣческій голосъ среди этой пустыни. Про-

водникъ прикрикнулъ на муловъ и затулилъ какую-то пѣсню; но не выходила пѣсня, не такъ пѣлась она, какъ на родинѣ. Видно было, что проводникъ самъ хотѣлъ расхвѣяться: тоже забрала тоска. И всѣхъ, говорятъ, забираетъ она при этомъ переходѣ изъ міра въ царство монашеское.

Но вотъ кончается этотъ пустынный переходъ и мѣстность начинаетъ понемногу оживать. Встрѣтились два старика-монаха съ котомками и низко поклонились намъ, примолвивъ: «благословите!» вмѣсто: «здравствуйте!» Пасется стадо муловъ съ огромными звонками, но какъ пасется: стоятъ мулы, какъ статуи, понуривъ головы и только машинально обмахиваются хвостами; имъ тоже скучно. На горѣ, изъ-за кустовъ, выглянули мѣстами бѣлые домики въ одиночку, показались виноградники и огороды... Легче стало: какая ни на есть, а все-таки жизнь видна.

— Вотъ Есфигмень, глядите! сказалъ проводникъ.

Я съ любопытствомъ вглядывался въ массу открывшихся предо мною зданій. Вѣря толкамъ нашихъ странниковъ о бѣдности монастырей аеонскихъ, я думалъ увидѣть какія-нибудь жалкія развалины, но увидѣлъ нѣчто другое. То былъ цѣлый городъ, или лучше, приморская крѣпость съ зубчатыми стѣнами и башнями, съ цѣлой группой церквей и разныхъ построекъ. Мѣстность роскошная. Море хлещетъ въ самыя стѣны обители. Тутъ же, у небольшой пристани, качается судно, а на суднѣ черный флагъ съ бѣлымъ крестомъ: флагъ аеонскаго флота.

У воротъ монастырскихъ стоитъ привратникъ, въ рыжемъ подрясникѣ, кацавейкѣ дырявой и рыжей, вальной камилавкѣ, и внимательно вяжетъ чулокъ. Молча и угрюмо оглядѣлъ онъ насъ, когда мы вѣзжали въ ворота. На дворѣ опять ни души, будто вымерло все; только на ступени церковной сидитъ котъ, — сухой, под

жарый, аеонскій котъ.. Онъ тоже молча и угрюмо оглядѣлъ насъ.

— Гдѣ же братія? спросили мы привратника.

— Спать, отвѣчалъ онъ: — сегодня бдѣніе будетъ.

Онъ лѣниво ударилъ въ колоколъ. Немного спустя изъ верхняго корридора выглянулъ монахъ и, замѣтивъ насъ, проворно спустился на дворъ. То былъ «архондаричный», который обязанъ встрѣчать поклонниковъ и знакомить ихъ съ мѣстной святыней. Онъ отперъ церковь и пригласилъ насъ войти, потомъ, съ тѣмъ же проворствомъ поставилъ среди церкви скамью и началъ раскладывать на нее серебряные ящики съ мощами. Тутъ же, между ящиками, поставилъ онъ серебряную тарелочку, но безъ мощей. Приложились мы къ мощамъ, выложили на тарелочку наше золото и удалились. Монахъ слѣдовалъ за нами весьма довольный.

— Пожалуйте къ игумену! сказалъ онъ.

— А онъ не спитъ?

— Нѣтъ, ужъ проснулся. Сейчасъ будетъ вечерня.

Мы пошли за монахомъ, и онъ привелъ насъ въ келью игумена. Старикъ игумень, довольно полный, съ маслянистымъ, сытнымъ лицомъ принялъ насъ очень пріятливо и угостилъ водкой и кофеемъ. Узнавъ, что мы русскіе, онъ принялся расхваливать щедрость русскую; рассказалъ намъ, съ какимъ почетомъ принимали его въ Москвѣ, когда онъ ѣздилъ за сборомъ подаваній, и радовался, что на Руси сильна еще вѣра православная. Мы, конечно, слушали и умилялись. Наши рѣчи прервали два монаха въ мантияхъ и схимахъ. Они вошли въ келью и, не говоря ни слова, повалились въ ноги игумену. Тотъ небрежно протянулъ имъ руку, монахи поцѣловали ее, потомъ поклонились еще разъ до земли и вышли.

— Что это значить? спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— А это отцы просятъ моего благословенія начать вечерню, отвѣтилъ игумень.

— И это бываетъ каждый разъ?

— Конечно; безъ благословенія нельзя: здѣсь въдѣ Аѳонъ, а не Москва. Вотъ вы поживите-ка съ нами подольше, еще не то увидите!

Игумень улыбнулся какой-то загадочной улыбкой.

— Мнѣ тоже надо къ вечернѣ идти, продолжалъ онъ вставая. Вы пока отдохните съ дороги, а потомъ ужинать будемъ.

Игумень захлопалъ въ ладоши и приказалъ вошедшему монаху развести насъ по квартирамъ.

Мнѣ досталась довольно большая затхлая комната, съ цвѣтными стеклами въ окнахъ, съ мягкими циновками на полу, но запущенная, оплеванная и немытая давнымъ давно. Низкіе диваны (на четверть отъ полу) окаймляли ее вокругъ; на стѣнѣ висѣла большая, потемнѣвшая икона и разныя божественныя картины аѳонскаго издѣлья; у противоположной стѣны каминъ съ огромнымъ закоптѣлымъ жерломъ. Больше мебели никакой не было. Я вынулъ было папироску, но въжатый объявилъ мнѣ, что здѣсь киновія *), слѣдовательно курить запрещено, и просилъ подвинуться къ камину. Надо было повиноваться. Затѣмъ я думалъ было прилечь отдохнуть, но оказалось, что и это невозможно. Лишь только я прикоснулся къ дивану какъ, меня осыпали цѣлыя міріады прыгающихъ насѣкомыхъ, какъ видно, давно поджидавшихъ жертвы. Пересѣлъ на другое мѣсто, — та же исторія. Оставалось одно утѣшеніе: ходить по кельѣ и бранить неряшество аѳонское.

За стѣною слышно было церковное пѣніе и сдержанное чтеніе канона. Тамъ кто-то молился.

*) Киновія, или общежительные монастыри отличаются на Аѳонѣ особенною строгостью устава.

Вотъ и въ мою келью вошелъ монахъ въ мантии, съ ручной кадильницей (каца). Нашептыя какія-то молитвы, онъ трижды окадилъ икону, потомъ окадилъ меня и вышелъ, наполнивъ запахомъ ладана мое незавидное помѣщеніе. Я остался въ полномъ недоумѣніи насчетъ этого обряда. А дѣло было въ томъ, что рядомъ съ моею кельею, въ комнатной церкви монахи служили вечерню, и имъ хотѣлось сдѣлать меня участникомъ своей службы.

— «Молитвами св. отецъ нашихъ, Боже помилуй насъ!»—Слышится за дверью. Я молчу. Молитва повторяется громче. Мнѣ бы слѣдовало отвѣтить «аминь», но я не зналъ еще этихъ условій монастырскаго этикета и опять промолчалъ. Тогда въ щели двери показалась сѣдая борода монаха и заблестѣлъ черный глазъ устремленный на меня.

— Чего вамъ?—спросилъ я.

— Благословите войти!—сказалъ старикъ по русски.

— Войдите.

Монахъ сбросилъ башмаки *) и, поклонившись мнѣ, смиренно сѣлъ на диванѣ. Я снова почувствовалъ запахъ ладана, которымъ была пропитана одежда старика.

— Прослышалъ я, что землякъ, и пришелъ... заговорилъ онъ не поднимая на меня глазъ.

— Очень радъ. А вы откуда?

— Съ Нижняго.

— А давно съ родины?

— Давно. Скоро тридцать лѣтъ будетъ.

— И все здѣсь?

— Вся въ Сименѣ (Есфигменѣ) съ греками. Богъ помагаеть: привыкъ.

Я съ любопытствомъ осмотрѣлъ монаха, тридцать

*) Сниманіе башмаковъ бываетъ всякій разъ при входѣ въ комнату, вѣроятно, чтобы не запачкать ковровъ.

лѣтъ не выдавашаго міра. Онъ сидѣлъ, попрежнему, опустивъ глаза, и перебиралъ нитяныя четки.

— Какъ же вы попали сюда, къ грекамъ? опять спросилъ я.

— Да вотъ, былъ сперва въ турецкой компаніи въ 29 году, и попался въ плѣнъ туркамъ. Года два они таскали меня по разнымъ тюрьмамъ; а потомъ дали, значить, свободу. Ъдучи домой захотѣлось мнѣ помолиться св. угодникамъ аѳонскимъ, дай, думаю, заѣду по пути, помолюсь на радости. Ну заѣхалъ сперва въ Сименъ, да тутъ и остался совсѣмъ: больно приглянулось мнѣ ангельское житіе. И вотъ съ той поры все живу здѣсь, даже другихъ монастырей не пришлось видѣть.

— И не тяжело вамъ было?

— Извѣстное дѣло тосковалъ, особливо сначала, а потомъ ничего: *пересилился*.

Монахъ замолчалъ и утеръ глаза, изъ которыхъ постоянно сочились слезы.

— Скажи-ка мнѣ, что на Руси подѣлывается? спросилъ онъ, взглянувъ на меня изподлобья.

— Ничего, живетъ себѣ помаленьку.

— Слышно, что волю дать хотятъ? —

— Да, хотятъ. Скоро крѣпостныхъ не будетъ въ Россіи.

Старикъ трижды перекрестился и прошепталъ: «слава Богу!»

— Ну, а ты останешься здѣсь, или на время только?

— На время. Мнѣ нельзя остаться.

— Отчего же? Погибать что ли охота!

— Нѣтъ, мнѣ еще работать надо.

— Никакая работа не дастъ тебѣ столько пользы, какъ здѣшняя: помани ты мое слово! Та накормить только, а эта въ рай поведетъ.

— Да у меня родные есть; съ ними-то какъ же быть?

— Богъ научить какъ быть. Вотъ и у меня семья была, да я не посмотрѣлъ на это, — постригся. Послѣ здѣшніе старцы письмо послали туда, что померъ, тѣмъ и покончили сразу. Даже денегъ прислали на поминъ души. Вишь какъ умудряетъ Господь.

— Все это такъ, да жить у васъ слишкомъ трудно

— А ты думаешь что ли безъ труда спастись? Не спасешься, братъ. Ты вотъ лучше понадѣйся на владычицу нашу, такъ она поможетъ тебѣ всѣ искушенія пройти невредимо.

— Какія это искушенія?

— А вотъ поступай: узнаешь?

Вошедшій послушникъ объявилъ, что ужинъ готовъ, и тѣмъ прекратилъ нашъ разговоръ. Старикъ поклонился мнѣ и торопливо вышелъ. Я отправился за послушникомъ въ келью игуменскую, гдѣ ожидалъ насъ ужинъ, накрытый на столѣ, тоже на четверть отъ полу. Предъ каждымъ приборомъ стоялъ небольшой графинъ краснаго вина. Мы усѣлись на полу вокругъ стола; одинъ изъ присутствующихъ вслухъ прочелъ молитву и затѣмъ уже стали подавать кушанья изъ разныхъ вареныхъ и жареныхъ въ маслѣ травъ. Въ заключеніе, вмѣсто десерта, подали зеленые огурцы. Мы сначала смѣялись надъ этимъ, а потомъ, побѣдивъ по Аѳону, и сами ждали огурцовъ, какъ лакомства.

Послѣ ужина намъ дали еще по стакану вина, и поднесли умыться. Затѣмъ монахи, прислуживавшіе за столомъ, поклонились въ ноги игумену, поцѣловали его руку, и стали убирать со стола. Я подѣлъ къ окну и сверху наблюдалъ, что подѣлывалось на дворѣ монастырскомъ. А тамъ по обыкновенію не было ни души: иноки ужинали и громко по всему двору, раздавалось чтеніе затрапезнаго поученія. Но вотъ, трапеза кончилась. Четыре монаха вышли оттуда и пали ницъ у самыхъ дверей, остальные проходили мимо, молча кла-

няясь лежащимъ. То были трапезарь, чтець и поварь, просившіе прощенія у братіи, вслучаѣ, если она недовольна ихъ трудами. Четвертый нечаянно сломалъ деревянную ложку за ужиномъ и тоже просилъ прощенія за свое преступленіе. Когда шествіе кончилось, всѣ четверо встали и пошли за братією. Старикъ, со сломанной ложкой въ рукахъ, долго теръ лобъ и крестился: знать не легокъ подвигъ такой.

Потомъ два трапезаря, въ передникахъ, вынесли изъ столовой большое корыто и поставили у стѣнки. Одинъ изъ нихъ постучалъ палочкой въ деревянную доску, нарочно повѣшенную подлѣ трапезы. Лишь только слышались эти звуки, четвероногіе обитатели аеонской горы—коты монастырскіе, задравши хвосты, помчались на знакомый зовъ, къ своему несытному ужину. Они тоже приучены къ дисциплинѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что коты аеонскіе ѣдятъ тоже, что и люди, т. е. травку разную, да оглодки хлѣба.

Прошло не болѣе полчася, какъ мѣрно застучалъ токъ *), потомъ била, клепала и колокола. То былъ благовѣсть ко бдѣнію. Братья опять пошли къ церкви. Лица суровыя, истощенныя, невидно ни одного румянаго лица, хотя молодыхъ довольно много. Я тоже отправился на бдѣніе и сѣлъ вмѣстѣ съ монахами въ одной изъ стасидій**). Всѣ сидѣли до тѣхъ поръ, пока

*) Токъ и било—деревянные доски, клепало—чугунная пластинка: вещи, замѣнявшія въ древнихъ церквахъ колокола. На этихъ доскахъ мѣрно выколачиваютъ молотками, въ родѣ того, какъ выколачиваютъ на нихъ наши ночные сторожа.

**) Стасидіями, или формами, называются мѣста съ деревянными ручками, на которыя можно облокачиваться во время стоянія за службой. Къ заднимъ стѣнкамъ формъ приделаны на петляхъ доски, которыя можно опустить и поднять, смотря по тому, сидѣть или стоять приходится. Эти формы разставлены вдоль стѣнъ, на деревянныхъ подмосткахъ, чтобы не застудить ногъ на мраморномъ полу. Такія формы, уцѣлѣли еще въ нѣкоторыхъ русскихъ монастыряхъ.